

К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

**ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы),
В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева; В. В. Терёхина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скаун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

МАКЕДОНСКАЯ КАВСИЯ НА ИНДО-ИРАНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ¹

В. П. Никоноров

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-130-136

Ключевые слова: мужская шапка-кавсия, Македония, Бактрия, Северо-Западная Индия, античность, новое и новейшее время.

Кавсией (греч. καυσία, лат. causia/causea) в древности называлась мужская шапка в виде широкополого берета, являвшегося характерным элементом одежды жителей античной Македонии. Сшитая из войлока или кожи, она надежно защищала от солнца и непогоды (рис. 1, 1–7). В то же время *кавсия* являлась социально престижным головным убором, входившим, например, в состав царских инсигний (начиная, самое позднее, с правления Александра Македонского). *Кавсии* использовались не только в быту, но и на войне, то есть в качестве боевых шлемов. В последнем случае их могли изготавливать из металла (Dintsis 1986: 183–195, 304–312 [Nr. 281–301], Taf. 80–83, Beil. 14, Karte 22; Saatsoglou-Paliadeli 1993: 122–142; Janssen 2007; Sekunda 2013: 22–23, 26–33; Нефёдкин 2019: 641–642).

В наше время у мужской части населения Центрального и Восточного Афганистана и Западного Пакистана очень популярны шапки из тонкой шерсти, известные под названиями *читрали*, *наколь* и др. и представляющие собой береты, края нижней части которых закатаны в валик, охватывающий голову (рис. 1, 11, 12) (Kingsley 1981a: 39–40; Vogelsang 2006; Foschini 2014). Впервые ношение *читрали* на указанных территориях засвидетельствовано в западноевропейской литературе последней четверти XIX в. (Drew 1875: 425; Biddulph 1880: 74; Robertson 1896: 126–127, 507, 515, 516; 1899: ill. between pp. 18 and 19, 90 and 91; Vogelsang 2006: 153–155), но особую популярность эти головные уборы приобрели в годы Афганской войны (1979–1989), когда они стали характерным атрибутом экипировки моджахедов (рис. 1, 12) (Fremont-Barnes 2012: *passim*). Американская исследовательница Б. М. Кингсли, внимательно проанализировав устройство и покрой *читрали*, отметила их поразительное визуальное сходство с *кавсиями* эллинистической эпохи и предположила общее происхождение для тех и других (Kingsley 1981a; 1981b; 1984: 67–68; 1991).

По поводу происхождения *кавсий* существуют две основные теории. Та же Б. М. Кингсли настаивала на том, что эти мужские шапки стали известны македонянам не раньше зимы 327/326 г. — времени пребывания воинов Александра Македонского в Северо-Западной Индии, где они и заимствовали их у местного населения. Согласно другой точке зрения, *кавсии* появились в Македонии еще в эпоху до восточных походов Александра Македонского (Fredricksmeyer 1986; 1994; Saatsoglou-Paliadeli 1993: 140–142). Последняя теория представляется наиболее убедительной. Достаточно сказать, что изображения *кавсий* присутствуют как минимум на двух памятниках македонского искусства, датируемых временем до кампаний Александра в Средней Азии и Индии: в сцене охоты на фреске гробницы II в Вергине (рис. 1, 1) (Saatsoglou-Paliadeli 1993: 135–137, fig. 3, pl. III (b); Brecoulaki 2006: 103–132, pl. 28; 30; 31; 33; 35, 2; 36, 2) — места упокоения отца Александра, Филиппа II, убитого в 336 г. до н. э. (Andronicos 1997; Hammond 1991; Hatzopoulos 2008; Musgrave et al. 2010; Lane Fox 2011), а также на знаменитейшей «Мозаике Александра» из дома Фавна в Помпеях (рис. 1, 2) (Prestianni Giallombardo A. M. 1991: 283, fig. 14; Saatsoglou-Paliadeli 1993: 136, fig. 4) — римской копии

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

I в. до н. э. живописного оригинала, изображавшего битву при Гавгамелах (331 г. до н. э.) и написанного придворным художником Апеллесом не позднее 329 г. до н. э. (Moreno 2001: 108). Помимо этого, *кавсия* в качестве типичного для македонян головного убора упоминается Полиэном при описании событий 335 г. до н. э. в Малой Азии (Polyaen. V, 44, 5).

Не так давно было высказано мнение, что современные афганские и пакистанские *читрали/наколи* вообще не имеют никакого отношения к македонским *кавсиям*, да и появились они впервые на севере современного Пакистана только во второй половине XIX в., будучи связанными своим происхождением с похожими головными уборами, которые носили в китайско-туркестанско-индийских пограничных землях (Vogelsang 2006: 154–155). Впрочем, эта точка зрения основывается исключительно на письменных и материальных свидетельствах, относящихся ко времени не ранее второй половины XIX в. (что является вполне объективным отражением состояния источниковой базы по рассматриваемой проблеме ввиду отсутствия по той или иной причине более ранней информации), и поэтому вряд ли может быть принята безоговорочно (как, в общем-то, и любой другой вывод, который во многом построен на *argumentum ex silentio*). Как бы то ни было, несмотря на очень внушительный временной разрыв между античными *кавсиями* и современными *читрали/наколями*, их значительное внешнее сходство, справедливо отмеченное Б. М. Кингсли, действительно позволяет предположить, что они могли иметь общее происхождение. К тому же на сегодняшний день известно значительное число памятников искусства из областей индо-иранского пограничья, относящихся не только к эллинистическому, но и более позднему времени, на которых изображены шапки типа *кавсий*, в связи с чем можно сократить отмеченную хронологическую лауну.

Так, использование рассматриваемых головных уборов на дальней восточной периферии эллинистического мира в эпоху после Александра Македонского засвидетельствовано монетами шести греческих царей, правивших в Бактрии и Северо-Западной Индии во II — начале I в. до н. э., — Антимаха I (рис. 1, 6), Аполлодота I, Лисия, Антиалкида, Деметрия III и Аминты (Vorearachchi 1991), причем все показанные на них *кавсии* относятся к одной и той же их разновидности, а именно — с конусообразной формой тульи (Dintsis 1986: 185–186, Beil. 14). Вполне возможно, что такие шапки, изготовленные из достаточно толстой кожи или даже металла и надетые на голову обязательно в сочетании с лентами-диадемами, носили в первую очередь особы царского достоинства.

Добавлю также, что берет-*кавсия* (вкупе с диадемой) изображен на фрагменте мужской терракотовой статуэтки III–II вв. до н. э., обнаруженном на цитадели городища Кампыртепа в Сурхандарьинской обл. Узбекистана, то есть в пределах древней Северо-Западной Бактрии (рис. 1, 7) (Пугаченкова 1991: 289, кат. № 174; Ильясов 2000: 97).

Бытование *кавсий* в землях индо-иранского пограничья в постэллинистическое время надежно подтверждается несколькими памятниками материальной культуры. Головной убор этого типа определенно показан на терракоте, датируемой кушанским периодом, из поселения Чакмоктепа в Сурхандарьинской обл. (рис. 1, 8) (Пугаченкова 1991: 303, кат. № 229; Yatsenko 2001: 90, pl. 12, 14; Яценко 2006: 181, рис. 121, 14).

В коллекции Государственного Эрмитажа имеется серебряная чаша, найденная близ с. Ильинского Ильинского р-на Молотовской обл. (ныне Пермский край), которую в начале 1941 г. приобрел Молотовский (ныне Пермский) областной краеведческий музей (Прокошев 1946: 88), откуда она затем и была передана в место ее нынешнего хранения (Бадер, Смирнов 1954: 5–6). Изображения на этой чаше заключены в семь медальонов, в центральном из которых показана голова мужчины, повернутая в профиль (рис. 1, 9) (Прокошев 1946: 88–90, рис. 44; Fajans 1957: 56–57; figs. 3–4; Иванов и др. 1984: 25 [кат. № 37]; Omelchenko 2014: 226 [cat. no. 176]; Маршак 2017: 77, рис. 265). Шапка на голове этого персонажа (скорее

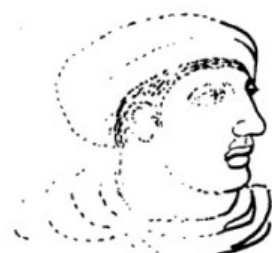
1

3

4

2

6

5

7

10

8

9

11

12

знатного вельможи, чем правителя, на что указывает отсутствие диадемы) явно представляет собой реплику конусовидных *кавсий* греко-бактрийских и индо-греческих монархов (рис. 1, б), но с той лишь разницей, что его поверхность не гладкая, а декорирована узором. Ильинская чаша по своим основным иконографическим признакам принадлежит к школе восточной торевтики индо-бактрийского стиля (назовем ее условно «эфталитской», см.: Маршак 2017: 72–81; Marshak 2004: 51), которая функционировала в Бактрии и Северо-Западной Индии в V в. н. э., в период господства там эфталитов.

На другой чаше этой же школы из собрания Британского музея мы видим пять медальонов с вписанными в них мужскими бюстами (рис. 1, 10) (Смирнов 1909: Табл. CXXV, 310; Dalton 1964: 59–60, pls. XXXIV, XXXV [cat. no. 205]; Marshak 2004: 51, fig. 38). Шапки на их головах — скорее всего, не что иное, как конусовидные *кавсии*, обвязанные к тому же лентами-диадемами, что, в свою очередь, указывает на очень высокий (по сути царский) статус изображенных персонажей.

Вышеназванные произведения искусства кушанского и эфталитского времени особенно важны по той причине, что носителями *кавсий* на их изображениях выступают уже не македоняне или греки, а далекие предки нынешних пуштунов, нуристанцев и таджиков. Кроме того, в качестве промежуточного звена они придают дополнительный вес гипотезе Б. М. Кингсли о вероятной связи древнемакедонских *кавсий* с современными *читрали/наколи*. Отсутствие сведений о последних в Афганистане и Пакистане до второй половины XIX в., как уже отмечалось выше, лишь отражает состояние источников по данному вопросу и потому не может служить решающим доказательством того, что *читрали/наколи* не могли существовать там в более раннее время.

Надо полагать, что *читрали/наколи* восходят к македонским *кавсиям* и в своем развитии от них как исходного прототипа они прошли определенный путь эволюции, связанной с адаптацией к местным, в том числе климатическим, условиям. Но в отличие от *кавсий*, которые шили из войлока и кожи (а также в исключительных случаях могли изготавливать из металла) и использовались двояко — как для предохранения головы от солнца и непогоды в повседневной обстановке, так и как средство личной защиты во время военных действий и охоты на крупных зверей, *читрали/наколи* в своем окончательном виде вязали и продолжают вязать из шерсти, а их функциональное назначение уже не предполагает применения в качестве боевых головных уборов. Таким образом, определенно имея одинаковые устройство и внешний вид — явное свидетельство общности их происхождения, древние *кавсии* и современные *читрали/наколи* все же отличаются друг от друга с точки зрения материала изготовления и функциональности, что, в свою очередь, не позволяет говорить об их полном сходстве и может быть объяснено адаптационной эволюцией последних.

Рис. 1. 1 — деталь настенной росписи из гробницы II в Вергине (реконструкция) (по: Brecoulaki 2006: pl. 28); 2 — фрагмент «Мозаики Александра» (реконструкция) (по: Saatsoglou-Paliadeli 1993: fig. 4); 3, 4 — детали настенной росписи из гробницы в Айос Афанасиос близ Салоник, около 300 г. до н. э. (по: Brecoulaki 2006: pl. 99, 100); 5 — деталь рельефного фриза из храма Афины Никефоры в Пергаме, 180-е гг. до н. э. (по: Kingsley 1991: fig. 11); 6 — монета греко-бактрийского царя Антимеха I (около 185–170) (по: Sekunda 2013: fig. 2, 2); 7 — фрагмент терракоты из Кампыртепа (по: Пугаченкова 1991: кат. № 174); 8 — графическая реконструкция головного убора на терракоте из Чакмоктепа, II–III вв. н. э. (по: Яценко 2006: рис. 121, 14); 9 — серебряная чаша из с. Ильинского (Пермский край) (по: Прокошев 1946: рис. 44); 10 — серебряная чаша из Северо-Западной Индии (по: Смирнов 1909: табл. CXXV, 310); 11 — гончар из Нуристана (по: Kingsley 1981a: fig. 4); 12 — лидер афганских моджахедов в Панджшерском ущелье Ахмад Шах Масуд (на переднем плане), июнь 1985 г. (по: Fremont-Barnes G. 2012: 45). 1–12 — без масштаба

Литература

- Бадер О. Н., Смирнов А. П. 1954. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. М. (Тр. ГИМ. Вып. 13).
- Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. 1984. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Коллекция Особой кладовой Отдела Востока Государственного Эрмитажа. М.
- Ильясов Дж. 2000. Терракоты Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент. С. 97–106 (Материалы ТАЭ. Вып. 1).
- Маршак Б. И. 2017. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.
- Нефёдкин А. К. 2019. Конница эпохи эллинизма. СПб.
- Прокошев Н. А. 1946. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев // КСИИМК. Вып. 12. С. 84–90.
- Пугаченкова Г. А. (гл. ред.). 1991. Древности Южного Узбекистана. Токио; Ташкент, 1991.
- Смирнов Я. И. 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Яценко С. А. 2006. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.
- Andronicos M. 1997. Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City. Athens.
- Biddulph J. 1880. Tribes of the Hindoo Koosh. Calcutta.
- Bopearachchi O. 1991. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris.
- Brecoulaki H. 2006. La peinture funéraire de Macédoine: emplois et fonctions de la couleur IVe — IIe s. av. J.-C. I–II. Athènes (Μελετήματα. 48).
- Dalton O. M. 1964. The Treasure of the Oxus, with Other Examples of Early Oriental Metal-work. 3rd ed. London.
- Dintsis P. 1986. Hellenistische Helme. I–II. Rome (Archaeologica. 43).
- Drew F. 1875. The Jummoo and Kashmir Territories: A Geographical Account. London.
- Fajans S. 1957. Recent Russian Literature on Newly Found Middle Eastern Metal Vessels. In: *Ars Orientalis*. Washington. Vol. 2. P. 55–76.
- Foschini F. 2014. From Alexander the Great to Ahmad Shah Massud: A social history of the pakol // Afghanistan Analysts Network. Published: 3 January 2014. P. 1–7 [URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/from-alexander-the-great-to-ahmad-shah-massoud-a-social-history-of-the-pakol/?format=pdf> (дата обращения: 15.05.2019)].
- Fredricksmeyer E. A. 1986. Alexander the Great and the Macedonian Kausia. In: *Transactions of the American Philological Association*. Atlanta. Vol. 116. P. 215–227.
- Fredricksmeyer E. A. 1994. The Kausia: Macedonian or Indian? In: Worthington I. (ed.). *Ventures into Greek History*. Oxford; New York. P. 135–158.
- Fremont-Barnes G. 2012. *The Soviet-Afghan War, 1979–89*. Oxford; Long Island City.
- Hammond N. G. L. 1991. The Royal Tombs at Vergina: evolution and identities. In: *Annual of the British School at Athens*. London. No. 86. P. 69–82.
- Hatzopoulos M. B. 2008. The Burial of the Dead (at Vergina) or the Unending Controversy on the Identity of the Occupants of Tomb II. In: *Τεκμήρια*. Αθήνα. 9. P. 90–118 [URL: <https://ejournals.epublishing.ekt.gr/index.php/tekmiria/article/view/2954/2800/ProCiteCitationPlugin> (дата обращения: 15.05.2019)].
- Janssen E. 2007. *Die Kausia: Symbolik und Funktion der makedonischen Kleidung*. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades (Dr. Phil.) an der Philosophischen Fakultät der Georg-August-Universität zu Göttingen... Göttingen.

- Kingsley B. M. 1981a. The Cap that survived Alexander. In: *AJA*. Vol. 85/1. P. 39–46.
- Kingsley B. M. 1981b. The «Chitrali» — a Macedonian Import to the West. In: *Afghanistan Journal*. Graz. Jg. 8/3. P. 90–93.
- Kingsley B. M. 1984. The Kausia Diadematophoros. In: *AJA*. Vol. 88/1. P. 66–68.
- Kingsley B. 1991. Alexander's *Kausia* and Macedonian Tradition. In: *Classical Antiquity*. Berkeley. Vol. 10/1. P. 59–76.
- Lane Fox R. 2011. Introduction: Dating the Royal Tombs at Vergina. In: Lane Fox R. J. (ed.). *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC — 300 AD*. Leiden; Boston. P. 1–34.
- Marshak B. I. 2004. Central Asian Metalwork in China. In: Watt J. C. Y. et al. *China: Dawn of a Golden Age, 200–750 AD*. 2nd printing. New York; New Haven; London.
- Moreno P. 2001. *Apelles: The Alexander Mosaic*. Milan.
- Musgrave J., Prag A. J. N. W., Neave R., Lane Fox R., White H. 2010. The Occupants of Tomb II at Vergina. Why Arrhidaios and Eurydice must be excluded. In: *International Journal of Medical Sciences*. Vol. 7/6. Ivyspring International Publisher. P. s1–s15 [URL: <http://www.medsci.org/v07p00s1.pdf> (дата обращения: 15.05.2019)].
- Omelchenko A. 2014. Bowl with Relief Hunting Scenes [Cat. No. 176]. In: Bijl A., Boelens B. (eds.). *Expedition Silk Road. Journey to the West: Treasures from the Hermitage*. Amsterdam. P. 226.
- Prestianni Giallombardo A. M. 1991. Recenti testimonianze iconografiche sulla *kausia* in Macedonia e la datazione del fregio della *Caccia* della II tomba reale di Vergina. In: *Dialogues d'Histoire Ancienne*. Paris. 17/1. P. 257–304.
- Robertson G. S. 1896. *The Káfirs of the Hindu-Kush*. London.
- Robertson G. S. 1899. *Chitrál: The Story of a Minor Siege*. 2nd ed. London.
- Saatsoglou-Paliadeli Chr. 1993. Aspects of Ancient Macedonian Costume. In: *The Journal of Hellenic Studies*. London. Vol. 113. P. 122–147.
- Sekunda N. V. 2013. *The Antigonid Army*. Gdańsk (Monograph Series «Akanthina». No. 8).
- Vogelsang W. 2006. The *Pakol*: A distinctive, but apparently not so very old headgear from the Indo-Iranian borderlands. In: *Khil'a: Journal for Dress and Textiles of the Islamic World*. Leuven. Vol. 2. P. 149–155.
- Yatsenko S. A. 2001. The Costume of the Yuech-Chihs/Kushans and its Analogies to the East and to the West. In: *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura. Vol. 7. P. 73–120.

THE MACEDONIAN ΚΑΥΣΙΑ IN THE INDO-IRANIAN BORDERLANDS

Valerii P. Nikonorov

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *male cap-καυσία, Macedonia, Bactria, Northwestern India, Classical Antiquity, Modern and Contemporary times.*

The beret-shaped male headdress, referred to in Classical sources as καυσία in Greek and *causia/causea* in Latin, had originally appeared in ancient Macedonia before the Hellenistic era. It had been brought to Bactria and Northwestern India by the army of Alexander the Great and was then adopted by the local inhabitants. The existence of the καυσία in the areas in question after Alexander is confirmed by coins of the six Graeco-Bactrian and Indo-Greek rulers of the 2nd and early 1st centuries BC, as well as by a terracotta fragment of the 3rd/2nd century BC from the citadel of Kampyrtepa. The wearing of such headdresses, what is particularly important, continued in post-Hellenistic times: one sees them on the personages' heads depicted on a "Kushan" terracotta figurine of the 2nd/3rd century AD

from Chakmoktepa, as well as on two silver bowls belonging to the “Hephthalite” toreutic school of the 5th century AD, which are kept now in the State Hermitage and the British Museum.

Furthermore, a very similar kind of male headgear, under the names of *chitralli*, *pakol* and other forms, has survived in Afghanistan and Pakistan until the present day. The *chitralli/pakols* seem to originate from the Macedonian *καυσίαι*, and in their development from the latter as their prototype they have passed a certain path of evolution to adapt to local, including climatic, conditions. But unlike the *καυσίαι* that were sewn of felt and leather (and as well, in exceptional cases, could be made of metal) and were exploited in two ways — to protect the head from coercions of the scorching sunlight and bad weather in everyday surroundings and as means of personal defence during military actions and hunting large beasts, the *chitralli/pakols* in their final form were knitted and continue to be knitted of wool, and their purpose no longer involves the use as combat headpieces. Thus, definitely having the identical conformation and appearance — a clear evidence of their common origin, the ancient *καυσίαι* and modern *chitralli/pakols*, nevertheless, differ from each other in terms of the materials of manufacturing and functionality, and this, in turn, does not allow us to talk about their complete resemblance and may be explained by the adaptive evolution of the latter.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА ИСТАХРА ВО II В. ДО Н. Э.

В. А. Дмитриев

Псковский государственный университет, Псков, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-136-138

Ключевые слова: Древний Иран, Истахр, Сасаниды, Аршакиды, фратарака.

После гибели в 330-х гг. до н. э. Ахеменидского государства Парс (греч. Персида) утратил свое бывшее значение и превратился в одну из областей, входивших сначала в состав державы Селевкидов, а затем — Парфянского царства Аршакидов. Степень политической зависимости Парса от центральной власти на протяжении всего этого времени была, судя по всему, во многом номинальной. Как отмечал М. М. Дьяконов, «все это время — от разгрома Александром Македонским Ахеменидской державы до падения Парфянского царства — Парс жил своей самостоятельной жизнью» (Дьяконов 1961: 257).

С административно-территориальной точки зрения Парс в это время представлял собой федерацию, состоявшую из относительно небольших владений, территория каждого из которых ограничивалась городом, являвшимся своего рода местной столицей, и прилегающей округой. Одним из таких владений, с которым оказалось связано будущее Ирана, являлся Истахр. В период правления в Иране династии Селевкидов (III–II вв. до н. э.) владельцы Истахра носили титул фратарака (букв. «правитель», «наместник») (рис. 1) (Wiesehöfer 2000).

Однако со II в. до н. э., после перехода Ирана под власть парфянской династии Аршакидов, политический статус истахрских владельцев претерпел определенные изменения: вместо прежнего титула фратарака, не несшего в себе претензий на политическую самостоятельность (но см.: Soudavar 2009: 422), они начали именовать себя шахами, т. е. «царями».

С одной стороны, к каким-то быстрым и значительным подвижкам в отношениях с центральной властью это не привело, ибо Парс, частью которого являлся и Истахр, по-прежнему входил в состав крупной (в данном случае — Парфянской) державы, а династы Истахра все так же являлись вассалами Аршакидов, к тому же принявших во II в. до н. э. титул «царя царей» (Fowler 2005: 142), что на практике закрепляло их статус как повелителей многочисленных шахов, подобных истахрским.